

ПРАВОСЛАВНЫЙ ВЕСТНИК

Приложение к № 18 газеты «Великолукская правда»

Даты

1 февраля - ДЕНЬ ИНТРОНИЗАЦИИ ПАТРИАРХА КИРИЛЛА

«Всякий раз, когда мы отдаем себя любым способом - проявляя к кому-то внимание, заботясь материально, отдавая свою кровь или жертвуя собственной жизнью, - мы являем подлинную любовь, потому что любовь всегда связана с жертвой. Господь взошел на Голгофу именно потому, что Он любил людей. Он призвал нас к любви, а у любви нет предела, даже смерть не является пределом любви, и верим, что каждый человек, который живет по этому закону, живет по закону Божию и получит от Бога воздаяние и в этой жизни, и в жизни будущей».

*Из слова после молебна
в Казанском соборе Волгограда,
3 февраля 2014 года.*

9 февраля - НЕДЕЛЯ О МЫТАРЕ И ФАРИСЕЕ

Неделя о мытаре и фарисее - первое из четырех воскресений («недель») подготовки к Великому посту, который начнется 2 марта.

На богослужении в этот день звучат песнопения, связанные с притчей о мытаре и фарисее. В них проводится аналогия с

жизнью людей: одни праведны в поступках, но склонны к гордому фарисейству. Другие грешны в своем образе жизни, но смиренны и склонны к искреннему - как у мытара - покаянию. Через эти богослужебные тексты Церковь напоминает, что для спасения недостаточно одних только внешне праведных поступков - без искреннего смирения, покаяния и любви к ближнему спастись не может даже усердный делатель праведности.

15 февраля - СРЕТЕНИЕ ГОСПОДНЕ

На сороковой день после Рождества праведный Иосиф и Мария принесли младенца Христа в Иерусалимский храм. Так они исполняли постановление закона Моисеева о посвящении Богу всех первенцев мужского пола. В переводе с церковнославянского «сретение» означает «встреча». Евангельское повествование говорит о том, что в Иерусалимском храме младенца Христа встретил старец Симеон. Он был одним из 70 «толковников», переводивших книги Священного Писания на греческий язык по заказу египетского правителя Птолемея II. Предание говорит о том, что он, переводя строчку из книги пророка Исаии *се Дева во чреве примет и родит Сына (Ис 7:14)* усомнился, как дева может родить, и хотел перевести «дева» как «молодая женщи-

на». Тогда ему явился ангел и пообещал, что Симеон не умрет, пока сам не увидит Деву и рожденного от нее Спасителя.

24 февраля - НАЧАЛО СЫРНОЙ СЕДМИЦЫ

Сырная седмица - последняя неделя перед Великим постом. Про эту седмицу в богослужении говорится: «преддверие покаяния, предпразднство воздержания, светлое предчувствие поста, седмица предочистительная». Уже начиная с вечерни во вторник, в храмах читается покаянная молитва Ефрема Сирина. ф

«Будь добрее, чем принято, ибо у каждого своя война, бои и потери. Живи просто, люби щедро, вникай в нужды другого пристально, говори мягко... А остальное - предоставь Господу.

Именно **ЛЮБОВЬ**, - ни вера, ни догматика, ни мистика, ни аскетизм, ни пост, ни длинные моления не составляют истинного облика христианина.

Все теряет силу, если не будет основного - любви к человеку».

Святитель Лука (Войно-Ясенецкий)

ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ В БЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ

Об этой стороне блокады Ленинграда написано очень много - и историками, и свидетелями. Например, о том, что митрополит Алексий Симанский (будущий патриарх) был там с первого до последнего дня, хотя ему предлагали несколько раз эвакуироваться из города, или о том, как не останавливалась ежедневная служба в храмах, или о том, как служили не на пшеничных просфорах и вине, а на ржаных блокадных пайках и свекольном соке, или о том, что некоторые священники умирали от голода и болезни (всего погибло 18 священнослужителей из 30) - так же, как и многие прихожане (из 34 соборных певчих к февралю 1942 г. в хоре осталось 3 человека), или о том, что ВСЕ денежные доходы передавались в фонд обороны...

Вчитаемся в некоторые свидетельства:

«Отец наш, Владимир Антонович (Дубровицкий, протоиерей), был человек мягкий, но мужественный. Всю войну не было дня, чтобы отец не пошел на свою работу... Бывало, качается от голода, я плачу, умоляю его остаться дома, боюсь упадет, замерзнет где-нибудь в сугробе, а он в

ответ: „Не имею я права слабеть, доченька. Надо идти, дух в людях поднимать, утешать в горе, укрепить, ободрить“. И шел в свой собор. За всю блокаду - обстрел ли, бомбежка ли - ни одной службы не пропустил. Помню, выйдя его проводить, смотрю, как снег в спину бьет, ветер рясу раздувает, вот-вот с ног свалит, и понять не могу, на чем он держится - ведь последний кусок мне отдавал...»

Показания на Нюрнбергском процессе протоиерея Николая Ломакина:

«7 февраля, в день Роди-

тельской субботы, перед началом Великого поста, я впервые после болезни пришёл в храм, и открывшаяся моим глазам картина ошеломила меня - храм был окружён горами тел, частично даже заслонившими вход в храм. Эти груды достигали от 30 до 100 человек. Они были не только у входа в храм, но и вокруг храма. Я был свидетелем, как люди, обессиленные голодом, желая доставить умерших к кладбищу для погребения, не могли этого сделать и сами, обессиленные, падали у праха почивших и тут же умирали.

Эти картины приходилось наблюдать очень часто»

«Следует упомянуть, что, несмотря на запрещение в 1930-е гг. колокольного звона, в Серафимовской церкви колокола уцелели, и в начале войны они по старому обычаю были спущены с колокольни «под спуд». Прихожане разобрали пол и потолок, вырыли глубокие ямы и осторожно с молитвой схоронили колокола. А через два с половиной года - утром 27 января 1944 г. радостное известие о снятии блокады собрало у храма обессиленных людей, которые в едином стихийном порыве сняли перекрытия, раздолбили мерзлую землю, достали и подняли колокола. Без всякого разрешения властей в Серафимовской церкви зазвонили в день прорыва блокады ровно в 16 часов. Люди смеялись друг друга, и звон колоколов не умолкал больше суток».

Многие вспоминают про то, что несколько действующих храмов Ленинграда были забыты молящимися, что власти не препятствовали многочисленным крестным ходам, что записки о здравии и упокоении исчислялись килограммами.

Никакой революции в сфере богослужебного языка не будет, - митрополит Волоколамский Иларион

Глава Отдела внешних церковных связей митрополит Волоколамский Иларион предостерег от ложных трактовок слов Святейшего Патриарха Кирилла о возможности использования за богослужением русского языка.

Выступая в конце 2019 года на Епархиальном собрании Москвы, Первосвяитель сказал, что перевод всего богослужения на современный русский язык не прине-

сет пользы, а главная сложность в понимании мирянами богослужебных текстов проистекает из их содержания, которое бывает непосто понять тем, кто обладает поверхностными знаниями о церковном учении.

При этом патриарх Кирилл отметил возможность введения в тех общинах, которые к этому готовы, практики чтения на русском языке Апостола и паремий, а в определенных случаях (например,

при совершении треб) - Евангельского чтения.

- Патриарх призвал к очень вдумчивому, сбалансированному и аккуратному использованию русского языка в богослужении там, где паства к этому подготовлена. Например, он сказал, что на русском языке можно прочесть отрывок из Апостола или Евангелия, либо малопонятный текст из Ветхого Завета, - прокомментировал в программе «Церковь и мир» слова Святейшего владыка Иларион, сообщает пресс-служба Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ.

При этом митрополит подчеркнул, что «речь ни в коем случае не идет о том, чтобы провести полную русификацию богослужения, отказать от церковнославянского языка».

Архипастырь заметил, что

есть много других способов сделать более понятным богослужение для его участников.

Владыка Иларион привел пример из практики прихода в честь иконы Богородицы «Всех скорбящих Радость» на Большой Ордынке, настоятелем которого он является:

- Мы читаем и Апостол, и Евангелие на церковнославянском языке. Но всегда имеется небольшой промежуток времени перед причащением мирян, когда священник произносит проповедь - в ходе этой проповеди он зачитывает на русском языке звучавшие в этот день отрывки из Апостола и отрывки из Евангелия.

Митрополит резюмировал, что речь в выступлении патриарха Кирилла идет «только о такого рода частичном использовании русского языка, но отнюдь не о какой-либо реформе и революции». ф

Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны

К 75-летию контрнаступления под Москвой

К началу Великой Отечественной войны над Русской Православной Церковью нависла угроза полного уничтожения. В стране была объявлена «безбожная пятилетка», в ходе которой советское государство должно было окончательно избавиться от «религиозных пережитков».

Почти все оставшиеся в живых архиереи находились в лагерях, а количество действующих храмов на всю страну не превышало нескольких сотен. Однако, несмотря на невыносимые условия существования, в первый же день войны Русская Православная Церковь в лице местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сергия (Страгородского) проявила мужество и стойкость, обнаружила способность ободрить и поддержать свой народ в тяжелое военное время. «Покров Пресвятой Девы Богородицы, всегдашней Заступницы Русской земли, поможет нашему народу пережить годину тяжелых испытаний и победоносно завершить войну нашей победой», - с этими словами митрополит Сергий обратился к прихожанам, собравшимся 22 июня, в воскресный день, в Богоявленском соборе в Москве. Свою проповедь, в которой он говорил о духовных корнях русского патриотизма, владыка закончил словами, прозвучавшими с пророческой уверенностью: «Господь нам дарует победу!»

ми стали читать специальную молитву об избавлении от врагов.

Подлинник плана нападения на СССР Барбаросса. Фрагмент

Между тем немцы, перейдя границу, стремительно продвигались по советской территории. На захваченных землях они проводили продуманную религиозную политику, открывая храмы и проводя на этом фоне успешную антисоветскую пропаганду. Разумеется, делалось это не из любви к христианству. Обнародованные после окончания войны документы вермахта свидетельствуют, что большая часть открытых церквей подлежала закрытию после окончания русской кампании. Об отношении к церковному вопросу красноречиво говорит оперативный приказ № 10 Главного управления безопасности рейха. В нем, в частности, указывалось: «...с германской стороны ни в коем случае не должно явным образом оказываться содействие церковной жизни, устраиваться богослужений или проводиться массовых крещений. О воссоздании прежней Патриаршей Русской Церкви не может быть и речи. Особенно следует следить за тем, чтобы не состоялось прежде всего никакого организационно оформленного слияния находящихся в стадии формирования церковных православных кругов. Расщепление на отдельные церковные

группы, наоборот, желательны». О вероломной религиозной политике, проводимой Гитлером, говорил и митрополит Сергий в своей проповеди в Богоявленском соборе 26 июня 1941 года. «Глубоко ошибаются те, кто думает, что теперешний враг не касается наших святых и ничей веры не трогает, - предупреждал владыка. - Наблюдения над немецкой жизнью говорят совсем о другом. Известный немецкий полководец Людендорф... с летами пришел к убеждению, что для завоевателя христианство не годится».

своих полномочий действительно способствовали регистрации религиозных общин. Многие храмы открывались стихийно, даже не имея юридического оформления.

Все эти процессы побудили советское руководство официально разрешить открывать церкви на территории, не оккупированной немцами. Преследования духовенства прекратились. Священники, находившиеся в лагерях, были возвращены и стали настоятелями вновь открытых храмов.

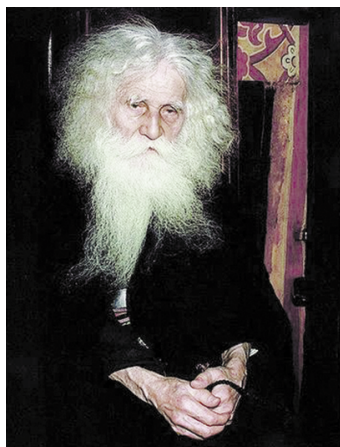
Соколовский, Булганин и Жуков во время битвы под Москвой

Тем временем пропагандистские действия немецкого руководства по открытию храмов не могли не вызвать соответствующей ответной реакции Сталина. К этому его побуждали также и те движения за открытие церквей, которые начались в СССР уже в первые месяцы войны. В городах и селах собирались сходки верующих, на которых избирали исполнительные органы и уполномоченных по ходатайствам об открытии храмов. На селе такие собрания нередко возглавляли председатели колхозов, которые собирали подписи за открытие церковных зданий и затем сами выступали ходатаями перед исполнительными органами. Нередко бывало, что работники исполкомов разного уровня благосклонно относились к ходатайствам верующих и в рамках

Преподобный Серафим Вырицкий

Широко известны имена пастырей, молившихся в те дни о даровании победы и вместе со всем народом ковавших победу русского оружия. Под Ленинградом в поселке Вырица жил известный сегодня на всю Россию старец, иеросхимонах Серафим (Муравьев). С началом войны старец усилил свой подвиж молитвы на камне - стал совершать его ежедневно. К тому времени болезнь очень сильно ослабила отца Серафима и он практически не мог передвигаться без посторонней помощи. Старец молился несколько часов подряд, невзирая на дождь и ветер, мороз или жару в течение тысячи дней.

Архимандрит Серафим (Шинкарев)

После литургии, запершись у себя в келье, местоблюститель собственноручно напечатал на машинке текст воззвания к «Пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви», которое моментально было разослано по сохранившимся приходам. Во всех храмах за богослужения-

(Продолжение на стр. 4)

Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны

К 75-летию контрнаступления под Москвой

(Окончание.
Начало на стр. 4)

По рассказам его духовных чад, старец часто говорил: «Один молитвенник за страну может спасти все города и веси...»

В те же годы в Архангельске в Свято-Ильинском кафедральном соборе служил тезка вырицкого старца - игумен Серафим (Шинкарев), до этого бывший насельником Троице-Сергиевой Лавры. По воспоминаниям очевидцев, нередко он по нескольку дней пребывал в храме на молитве за Россию. Многие отмечали его прозорливость. Несколько раз он предсказывал победу советских войск, когда обстоятельства прямо указывали на печальный исход сражения.

На партизанских тропах
Белоруссии

духовенство. Ни на час не покидал Москву настоятель храма сошествия Святого Духа на Даниловском кладбище, протоиерей Павел Успенский, в мирное время живший за городом. При своем храме он организовал настоящий социальный центр. В церкви было установлено круглосуточное дежурство, а в подклети организовано бомбоубежище, позже переделанное в газоубежище. Для оказания первой помощи при несчастных случаях отец Павел создал санитарный пункт, где были носилки, перевязочный материал и все необходимые лекарства.

Другой московский священник, настоятель храма Илии Пророка в Черкизове, протоиерей Павел Цветков устроил при храме приют для детей и стариков. Он лично нес ночные дежурства и в случае необходимости принимал участие в тушении пожаров. Среди своих прихожан отец Павел организовал сбор по-

жертвований и лома цветных металлов на военные нужды. Всего за годы войны прихожане Ильинской церкви собрали 185 тысяч рублей.

Митрополит Николай
вручает медали
«За оборону Москвы»

Работа по сбору средств велась и в других храмах. По проверенным данным, за три первых года войны храмы одной только Московской епархии сдали на нужды обороны более 12 млн рублей.

О деятельности московского духовенства в военный период красноречиво свидетельствуют постановления Моссовета от 19.09.1944 и 03.01.1945 гг. о награждении около 20 московских и тульских священников медалями «За оборону Москвы». Признание властью за Церковью ее заслуг в деле защиты Отечества выразилось еще и в официальном разрешении верующим отмечать церковные праздники и в первую очередь Пасху. Впервые во время войны Пасха была

открыто отпразднована в 1942 г., после завершения боев под Москвой. И конечно, самым ярким свидетельством изменения политики советского руководства по отношению к Церкви стало восстановление Патриаршества и открытие Духовной семинарии для подготовки кадров будущего духовенства.

Награждение
священника-партизана

Новый вектор церковно-государственных отношений в итоге позволил укрепить материальное, политическое и правовое положение Русской Православной Церкви, защитить духовенство от преследований и дальнейших репрессий, повысить авторитет Церкви в народе. Великая Отечественная война, став тяжелейшим испытанием для всего народа, спасла Русскую Церковь от полного уничтожения. В этом, несомненно, проявился Промысл Божий и Его благое произволение о России.

Евгений Мурзин

Протоиерей
Павел Успенский

Подлинный героизм в годы войны проявило столичное

Старенькая тетя Глаша, мать моего товарища, почти всю жизнь проработала сортировщицей писем на Главпочтамте. Жила она недалеко от нашего двора в большом деревянном, от станции железной дороги, доме, окрашенном старой охрой и построенном для семей железнодорожников перед самой войной.

Проживала в крохотной квартирке, может быть, площадью всего-то чуть больше

двадцати квадратных метров, где умещались две малюсенькие комнатки и закуток кухни.

Я зашел к ней, чтобы разузнать о жизни товарища детства, и услышал вот такую историю.

- Знаешь, Саша! Теперь-то скрывать нечего. Санька и Света и вовсе не мои дети. Я-то замуж выскочил за Степана в самом начале войны. Расписались, переночевали ночью, а утром он по повестке в военкомат ушел. И уж больше не вернулся. На войне без вести сгинул, оставив меня соломенной вдовой. До шестидесятых все еще надеялась, все Богу молилась, чтоб вернулся мой Сте-

па. Пусть израненный, пусть калека, но все лучше, чем одной вековать.

В начале шестидесятых задумалась, как бы ребеночка себе взять на воспитание, из детдома. Чтоб уж остаток жизни было для кого прожить, чтоб не совсем уж впустую. Об этом теперь и Бога молила.

И ведь знаешь, Саша, пришло мне письмо от Бога. - Она подошла к образам, вытатила авиационный конверт с рисунком самолетика и протянула мне. - Семеньч на работе его отдал. Не знаю, говорит, чо с ним делать. Ты прочти, прочти, не стесняйся, - добавила она.

На конверте было написано

одно лишь слово «Богу».

Я вынул и развернул двойной тетрадный лист в косую линейку, аккуратно исписанный детским почерком, наверное, перьевой еще ручкой, как на чистописании и почти без ошибок. В нем значилось:

«Дорогой божинька, очень тебя прошу, не забирай нашу маму. Санька сказал, что она скоро умрет. Что так ей пол легкого отгрыз, а когда отгрызет вторую половину, она уж совсем умрет. Я только совсем не поняла, как-то маленький, а мама большая. Хотя клеши и него страшные. Санька приносил раков с речки и пугал меня клешиями. И как он может у мамки внутри легки отгрызть? Божинька, не забирай мамку. Она добрая.

Когда мы с Санькой пришли к ней в больницу, она мне конфету дала, настоящую, шоколадную. Которые ей с работы принесли. А еще Санька говорит, что когда мамка умрет, то тетя Ира станет новой папкиной женой, а нас сразу даст в детдом на Заречной улице. Санька хорохорится и обещает всех детдомовских набить, если они нас травить будут, а сам по ночам плачет. А я очень боюсь в детдом. Они живут на Заречной улице и постоянно дерутся. А еще ходят все лысые, и мальчики, и девочки, это чтобы вшей не было, и ругаются нехорошими словами. Божинька, пожалей нашу мамку, очень прошу, потому как ты последняя моя надежда. В школе сказали, что бога нет, а бабушка Сазониша говорит, что есть, и ты обязательно выполняешь все просьбы. Только, говорит, очень в тебя верить надо и молиться. Я в тебя очень верю и очень молюсь. Я три раза вставала на колени и крестилась, как Сазониша научила. Пожалей, божинька, нашу маму и нас с Санькой.

Света.

Папка дал десять копеек на мороженое, а я купила конверт с самолетом, чтобы письмо к тебе быстрее долетело.»

Дочитав письмо, я аккуратно свернул, вложил в конверт и вернул его тете Глаше. Она снова спрятала его за образа и продолжила рассказ.

«Прочитала я тогда, очень расстроилась, расплакалась. Решила найти детишек. Первым делом в детдом направилась на Заречной. Он от нас совсем близко. Выяснила, в начале года поступили в детдом брат и сестра Земцовы, десяти и девяти лет. Мать у них умерла. Отец с новой женой сдали ребят в детдом.

Поговорила с директором, как усыновить их, или хотя бы в опекунство взять. Сложный вопрос. Зарплата у меня маленькая, семья неполная. Нет семьи, одна я. Чтобы усыновить, муж требуется.

Уговорила я Семеныча в фиктивный брак вступить, чтобы мне детей усыновить разрешили. Так-то он мужик неплохой, после войны бобы-

лем остался да так и не женился больше. Выпивал, конечно. Но в меру. И готов был даже со мной жить. Одна незадача — детей не любил. Чегой-то, говорит, я чужих гусят воспитывать буду. Одним словом, не сошлись на этом, но в брак вступили.

Месяца три я готовила документы на опекунство. Когда были все документы готовы, привели детей со мной познакомиться. Я-то их несколько раз видела, а они меня нет. Худенькие, мальчик ростиком повыше, с синяком на руке, острижен коротко, только челка на лбу. Девочка наголо машинкой острижена, да так неровно, что видно, будто овец стригли.

Смотрят на меня, насупились. Директор глянул на них серьезно и говорит: «Познакомьтесь, это Глафира Ивановна, дальняя родственница вашей мамы. Она хочет взять вас на воспитание и быть вам вместо матери. Согласны ли вы?»

Девочка сразу ко мне бросилась, а мальчик долго из подлобья меня разглядывал. Потом спросил: «А ты, тетя, драться не будешь?»

У меня и слезы из глаз брызнули.

«Нет, - говорю, - не буду».

Так вот и появились у меня дети. Семеныч приходил несколько раз, помог для них в самой маленькой комнатке деревянные кровати сладить, столик для письма, чтобы уроки делать, изготовил. И даже денег не взял.

Но сначала все равно очень тяжело жили. У меня оклад восемьдесят рублей, да еще на подработке двадцать. А детей одевать, обувать нужно, да и вкусенького им тоже ведь хочется.

Со Светой никаких про-

блем. Молодец - отличница в школе. По дому все приберет, еду приготовит, даже шить научилась. Вот с Саней сначала помучилась. Вредный, драчливый, в школе плохо первое время успевал. Света на год позднее училась, а помогала ему уроки делать и даже задачки за него решала по математике. Да еще со старыми друзьями со двора связался. Хулиганы! То соседский огород обчистят, меньше украдут, больше набедокурят, истопчут. Сколько раз приходили те жаловаться. То раздерется в школе, стекло разобьет или на парте чего нарисует. Покуривать уже начал.

Мы со Светой сядем за столик, слезы у обеих в три

не получалось.

После того разговора изменился парень. По весне, считай, сам огород вскопал. Огород небольшой, всего две сотки: картошка да несколько грядок. Но ведь сам. Мы со Светой помогли морковь, свеклу, лук, огурцы, капусту посадить. А дальше он все лето сам ухаживал: поливал, сам пропалывал, окучивал картошку, огурцы укрывал.

Семеныч помог досками грядки обустроить, подучил парня плотницкому и столярному ремеслу.

Можно сказать, выправили парня. За ум взялся, учиться стал лучше. Но это уж целиком Светы заслуга, она с ним занималась. Постепенно и от дружков отвалился. В шестом классе записался в лыжную секцию. Там чем хорошо было, там лыжи и ботинки и даже спортивную одежду выдавали. К окончанию школы уж и за город, и за область на соревнования ездил. Побеждал даже. Грамоты привозил и подарки ценные: часы наручные, костюмы спортивные новые, и Свете разные вкусные вещи со сборов. Их же там бесплатно кормили, на два с половиной рубля в день, это когда я за целый день четыре рубля зарабатывала.

После школы в военное танковое училище поступил. Командиром решил стать. Сейчас в Германии служит, уже подполковник, командир батальона.

Света тоже молодец. Школу с серебряной медалью закончила. Поступила в местный педагогический институт и его с отличием завершила. Сейчас учительницей в восьмой школе работает. Завуч.

Видишь, Сашенька. Всю я жизнь с чужими детьми прожила. И пусть трудно жили, но счастливо. Любой копеечной обновке радовались, любому лишнему рублику. И самое-то главное, что выросли они честными, трудолюбивыми и отзывчивыми людьми. А меня уж давно мамой называют, а внуки - бабушкой. Разве это не счастье?

С Семенычем до сих пор в браке состоим, да и последние лет десять живем вместе. На пенсии оба. Вот я теперь и думаю, что бы было со мной, если бы Семеныч не отдал мне то письмо. Письмо от Бога.

Александр Исупов

Храм, окруженный помойкой, - это духовно тяжелое зрелище

Об этом наш разговор с Феликсом Вельевичем.

«ДВЕЛИ УТОПИЮ ДО ЛОГИЧЕСКОГО КОНЦА»

- Вы часто повторяете, что культура иерархична, и жалеете, что эта иерархия разрушается. Что Вы имеете в виду?

- Еще совсем недавно люди находились внутри устоявшейся обиходной культуры. Тут принято говорить об обычаях, традициях, нравах, то есть о чем-то привычном, само собой разумеющемся. Это не призывы и декларации, это сама жизнь.

Русская обиходная культура некогда оформляла жизнь человека во всех ее проявлениях. В том числе - характер общения людей. Внутри семьи, в обществе, с представителями власти... Каждый конкретный случай предполагал свой, особый тип поведения. Приглядевшись и поразмыслив, мы увидим в этом особый порядок, некую иерархию.

Обиходная культура, сложившаяся на основе христианских ценностей, была насквозь иерархичной. В самом деле, в храме, на вузовской кафедре или, допустим, на своей кухне мы ведем себя по-разному. Поведение в храме - самое

«Выходя сегодня из храма, мы попадаем в радикально другой мир. Там нет общей для всех правды. И нет вещей, над которыми нельзя было бы посмеяться», - считает Феликс Разумовский, историк, ведущий телепрограммы «Кто мы?». Но как возник этот разрыв двух миров? Неужели Церковь проиграла ироничной цивилизации мнимостей, и верующим остается только укрываться от нее, не пытаясь ничего изменить?

строгое, там мы не станем оживленно разговаривать и смеяться. А где-то в другом месте мы можем и повеселиться. Другое дело, когда в жизни возникает своего рода культ развлечения, нескончаемой смены впечатлений и всепоглощающего драйва, тогда мы имеем дело с кризисной ситуацией, с разрушением иерархии. И с потерей обиходной культуры.

- Почему это так беспокоит Вас сегодня?

- Обычная повседневная жизнь превращается в трудноразрешимую проблему. Христианин не может не чувствовать этого - разрушительного противостояния веры и того, что можно назвать нормой современной жизни.

Мы часто говорим, что сегодняшняя секулярная культура пришла на смену сакральной.

Но ведь это произошло не «с воскресенья на понедельник». Элементы сакральной культуры отмирали очень долго. И вот сегодня мы стали свидетелями того, что почти все проявления этой культуры, весь культурный опыт - иссякли. Точнее - отброшены. Обиходная христианская культура умерла. В этом смысле мы находимся в уникальной ситуации.

Возьмем, к примеру, Петровскую эпоху. Как сказал Карамзин, Россия «восприняла новый образ». Форсированная западноевропейская модернизация сопровождалась ломкой и третированием русских нравов. Но при этом большая часть страны, крестьянство, по-прежнему жила в своем традиционном мире. Даже с представителями европеизированного дворянства по части мирочувствия не все однозначно. Вот, допустим, Наталья Долгорукая, дочь знаменитого петровского фельдмаршала Шереметьева. Совсем юная особа, она не бросает в беде своего суженого, отправляется с ним в изгнание, в сибирский Берёзов. Терпение, верность и преданность отличают жизнь этой замечательной православной женщины, бывшей когда-то богатейшей невестой России... Вот вам и «повреждение нравов в России». Хотя отрицать это самое «повреждение» решительно невозможно - но тем не менее во многих людях продолжало жить христианское мирочувствие, подчас глубоко запрятанное.

А сегодня это запрятанное - исчезло. Тут речь не о вере, не о «едино на потребу». Речь о повседневности в самых разнообразных ее проявлениях. О том, что происходит с человеком вне церковной ограды, где прежде действовала христианская обиходная культура. Теперь она не действует, потому что ее нет.

Сильнейший удар по русской жизни был нанесен в XX веке. Мы прошли через советскую эпоху, когда христианская система ценностей разрушалась - целенаправленно, методично и беспощадно. Новые властители России поставили своей

целью создать нового человека, счастливого обитателя рая на земле. Европа в принципе шла в том же направлении, время от времени мы с ней пересекались, но в какой-то момент опередили. Если в XVIII веке мы учились у Вольтера, Дидро и других просветителей, то уже в первой половине XIX века своими силами довели просветительскую утопию до логического конца. Почитайте хотя бы «Что делать?» Николая Чернышевского. К тому, о чем писал наш пылкий революционный демократ, Европа придет только через сто лет, в XX веке, в результате так называемой сексуальной революции 1968 года.

«В НАШЕМ МИРЕ СТАЛО НЕВОЗМОЖНО ГОВОРИТЬ ХОТЬ О ЧЕМ-ТО ВСЕРЬЕЗ»

- Почему Вы связываете понятие культурной иерархии именно с христианской цивилизацией?

- Здесь важно понятие истины, сущности безусловной и неизменной. С точки зрения христианина, есть нечто, что выше всего. Что определяет все и вся в мироздании. Что стоит на вершине пирамиды бытия. Отсюда фундаментальный иерархический принцип. Универсальная модель. Ее утверждает евангельская Истина, Христова правда. А в той культуре, которая сформировалась сегодня, нет ничего абсолютного, безусловного. Вокруг нас все условно.

- То есть христианству сегодня противостоит релятивизм?

- Релятивизм принадлежит скорее к первому этапу Просвещения.

(Продолжение на стр. 7, 8)

Как молиться о человеке, если точно не уверен, жив он или нет?

Отвечает протоиерей Андрей Ефанов

Если неизвестно, жив или нет человек, самым лучшим способом молиться о нем словами: «помяни, господи, раба твое-

го (имя)». У Бога все люди живы, и Господь лучше нас знает, в чем нужно оказать человеку помощь.

Если же речь о церковном поминовении, я советую подавать записки о здравии до того момента, когда будут получены точные сведения или когда, например, станет

ясно, что человека уже не может быть в живых - в силу возраста, потому что прошло много лет. Даже если окажется, что мы поминали человека уже усопшего, Господь все равно знает, в каком состоянии человек и какую помощь ему подать - здравие души и тела для жизни земной в преддверии жизни вечной или здравие души и ее упокоение для жизни вечной. Ну а по прошествии значитель-

ного времени, как я уже сказал, разумнее будет подавать записки о упокоении и помянуть усопшего.

Бог ведь не бездушный механизм, он знает состояние человека и молитву о нем принимает как действие любви. Поэтому повредить молитвой, по незнанию помолвившись о живом молитвой, по незнанию помолвившись о живом как о мертвом или наоборот, нельзя. ф.

Храм, окруженный помойкой, - это духовно тяжелое зрелище

В ту пору вопрос об Истине ставился приблизительно так: «Для тебя важна Истина - ну хорошо, я этого не оспариваю, ты можешь так считать. У меня - иное мнение на этот счет». У Дидро есть известный диалог с дамой, которая с опасением относится к его неверию. Как же так, ведь вы не верите в Бога? А он отвечает: ну и что, разве я перестал из-за этого быть честным человеком? Разве стал глупее, хуже? Дидро не призывает выкинуть идею Бога из головы: если хотите - пожалуйста, можете верить, говорит он, а мне это не нужно. Мое дело - просвещение.

Но сейчас вопрос стоит уже иначе. И вполне тоталитарно. Вегетарианские времена релятивизма остались в прошлом. Отвергается, шельмуется, дискредитируется любая попытка отнестись к чему бы то было серьезно. Кругом все условно, сегодня это белое, завтра - уже черное. В такой ситуации не то что верить в существование абсолютной истины, а просто говорить о чем-то всерьез невозможно. Этим отношением пропитана вся сегодняшняя жизнь.

Например, первое лицо КПРФ выступает на Всемирном русском народном соборе. Сегодня лидер коммунистов - в первых рядах защитников Отечества. Тогда как его предшественники в свое время отвергли само это понятие. Они настаивали на том, что у пролетариев нет Отечества. При этом весьма определенно высказались по поводу прошлого: «весь мир насилья мы разрушим...» Никакого «Русского мира», традиций и воспоминаний для людей этого круга не существовало. Но сегодня у их последователей совершенно

иная риторика. И это в порядке вещей, задавать вопросы им бессмысленно. Потому что сегодняшние слова, заявления, политические декларации ровным счетом ничего не значат. Все условно. Относиться к этому серьезно невозможно.

- Это если они всерьез коммунисты.

- А если не всерьез... Если это игра, в которой участвуют всего лишь держатели некоего политического бренда; если современное почитание Ленина-Сталина и благоговейные походы к Мавзолею - это все условно, тогда как прикажете воспринимать русскую трагедию XX века? О каком историческом опыте может идти речь? Ведь все условно, никто ни за что не отвечает. Тогда, в конце концов, к 100-летию национальной катастрофы можно снять пошлейшую мелодраму, фильм «Матильда», оскорбительный для национального достоинства. Призывающий «не заморачиваться» по поводу того, что было когда-то. И - развлекаться!

- С чем связано это нежелание обсуждать что-то всерьез? Может, люди опасаются идеологий, которые в XX веке продемонстрировали способность рождать тоталитарные режимы?

- Страх перед идеологиями существует только у представителей тонкой прослойки либеральной интеллигенции. В свое время Александр Галич выразил это настроение: «Бойтесь того, кто скажет, как надо». На самом деле, идейного вакуума в жизни быть не может. Это иллюзия. Звучавшие на все лады в незабвенные 90-е призывы «обогащайтесь», екатеринбургский Ельцин-центр - это самая настоящая идеология. Существует немало

средств, включая, конечно, интернет-ресурсы, вообще СМИ, с помощью которых наше сознание постоянно обрабатывается. Даже рекламный телевизионный слоган «Бери от жизни все» - не что иное, как серьезная идеологическая кампания. Во всяком случае, гораздо более действенная, чем лозунг позднесоветского времени «Народ и партия едины».

Существует ли в нашем обществе запрос на иную, более социально значимую идеологию? Или даже на национальную идею? Это большой вопрос. Со стороны людей православных - безусловно. Но таковых сегодня меньшинство. Впрочем, реакция большинства нам сегодня тоже хорошо известна. Очевидная социальная деградация, депрессия и массовая апатия не в последнюю очередь вызваны идейной опустошенностью. Отсутствием того, что принято называть моделью будущего. Тогда как разговоры об обогащении и о якобы ожидаемом в будущем благосостоянии звучат явно неубедительно.

- Почему неубедительно?

- Не нужно думать, что в России живут сплошь бесребренники. Дело в другом, в своеобразии типа русской духовности. Наша духовная культура столетиями укоренила в сознании вполне определенные приоритеты. Мы изначально были сосредоточены на Истине, на безусловном; мы были обращены к духовному Небу. Поэтому в русской жизни так почитались святые и вообще святость. На христианском Западе были иные приоритеты, Запад привычно сосредоточен на земном, земных реалиях. Закономерно, что там появились инструменты, позволяющие эти реалии

охранять, оформлять и укреплять. В первую очередь это юриспруденция, право. Вся западная жизнь пронизана правовым сознанием. А у нас договариваться никто не толком не умел и не умеет. И частная собственность никогда не была чем-то абсолютным. Я не говорю, что это правильно, не говорю, что мы лучше, «душевнее». Боже сохрани! Но различия очевидны. Русский человек все время задает себе тот самый вопрос, который звучит из уст Обломова: «А зачем?» То есть существует ли высший смысл в моей жизни? И если мы на этот вопрос не отвечаем, у нас ничего не клеится. А мы на него пока не отвечаем.

- То есть какая-то идеология все же нужна?

- Идеология - это производное от мировоззрения. Политические программы и лозунги не заменят живой жизни. На руинах обиходной культуры и национального сознания строить идеологическим строительством бессмысленно. Прежде, чем в XVI веке появилась идеология «Москва - Третий Рим», наши предки, люди Древней Руси, обрели христианское мировоззрение и накопили достаточный культурный опыт. Московское царство опиралось на крепкий духовный и культурный фундамент.

(Продолжение на стр. 8)

Говорят, что

день ангела и именины - это один и тот же праздник

На самом деле

это праздники разные. День ангела - день крещения человека. По церковному преданию, у каждого крещеного человека есть свой ангел-хранитель, который оберегает его и всегда молится о нем перед Богом. Считается, что этот ангел при-

ставляется к человеку именно в день его крещения, и об этом специально говорится в одной из молитв чина таинства Крещения.

Именины же (от слова имя) - день памяти святого, чье имя дали человеку при крещении. Например, если Сашу назвали в честь святого Александра Невского, то его именины - в день празднования памяти этого святого.

А смешивают два этих

праздника, возможно, потому, что святые, в честь которых мы получили имя, как и ангелы-хранители, считаются нашими небесными покровителями. И их также в прежние времена иногда называли ангелами людей, названных в их честь. Однако не стоит путать наших святых покровителей и ангелов-хранителей.

«С днем ангела тебя!» - говорят, когда празднуется очередная годовщина креще-

ния человека. «С именинами тебя!» - говорят, когда наступает праздник святого, в честь которого его назвали.

Но если поздравление «С днем ангела!» прозвучит в день именин, это не будет поводом для обиды. К сожалению, сегодня часто люди не помнят своего дня крещения, и поэтому день именин становится и памятью о крещении, а эти два личных праздника зачастую отождествляются. ф

Храм, окруженный помойкой, - это духовно тяжелое зрелище

- Не задача ли это для Церкви - формировать в обществе определенное мировоззрение?

- Конечно. Потому Церковь и подвергается таким нападкам, что это единственный организм, который может решать эту задачу.

- А решает?

- Церковь не может ничего навязывать нецерковному обществу. Вести диалог? Наверное... Однако, на каком языке пойдет разговор, это уже проблема. Современный постгуманизм, агрессивный либерализм и христианство стоят на принципиально разных мировоззренческих позициях. На эту тему в наши дни в церковной среде прошла довольно острая дискуссия. Александр Щипков* не согласился с Андреем Шишковым**. А заспорили они о том, как и на каком языке говорить Церкви с миром. Стало быть - с нашими соотечественниками, которые не просто стали светскими людьми, это уже пройденный этап...

Эта тема - на каком языке говорить - тема имперского периода русской истории, тема, как мы понимаем, болезненная. Одна переписка Белинского с Гоголем чего стоит. Только теперь масштаб проблемы увеличился в геометрической прогрессии. Ибо и атеист Белинский, и христианин Гоголь пребывали в лоне русской культуры. Иначе говоря, оставались русскими людьми, не утратившими живой связи с русской жизнью.

Однако в сегодняшнем «публичном пространстве» таких людей крайне мало. Как мы уже сказали, русская обиходная культура утрачена почти полностью, во всяком случае, большинство деятелей публичного пространства - люди вполне космополитичные, не имеющие ровным счетом никаких представлений ни о русской земле, ни о русской судьбе, ни о русской

трагедии. К русской тематике они в лучшем случае равнодушны. Хотя часть - «новые атеисты» - настроены весьма и весьма враждебно.

И вот представьте себе одну из современных публичных площадок, к примеру, Московский урбанистический форум. Его организаторов греет убийственная идея превращения Москвы в новый Вавилон, в громадный, уродливый мегаполис. На каком языке оспаривать эту идею? На «религиозном» или «секулярном»? Вопрос риторический. Потому что это игра. Это условный, мнимый диалог, в котором нет места серьезности.

Это новая реальность. Настолько новая, что я не уверен, применим ли здесь апостольский опыт. В тех аудиториях, в которых некогда подвизались великие проповедники, они обращались к реальным эллинам или к реальным иудеям. Но они не обращались к мнимостям постмодернизма.

И тем не менее возрождать русское мировоззрение можно и нужно. При этом ясно сознавая, что до решения этой задачи нашей Церкви еще далеко. Ее интеллектуальный и культурный потенциал сильно пострадал в годы гонений. Вместе с тем готов свидетельствовать, что в Русской Церкви есть немало людей с удивительно целостным национальным мироощущением. Это как в музыке, где подвизаются те, кто имеют абсолютный слух. Часто это люди уже в летах, они прошли через совет-

ский опыт, смогли его преодолеть и вернулись к простому и ясному православному миропониманию. Но есть, к сожалению, и другие примеры.

- Как почувствовать эту разницу в миропонимании? В каких ситуациях или в вопросах она становится заметной?

- Национальное мировоззрение «заквашивается», с одной стороны, на христианских ценностях, на догматах православной веры, а с другой - на нравственном отношении к своему прошлому. Ну, а дальше могут увлечь компромиссы и соблазны. А еще - те самые благие намерения, которые неизбежно уводят с тесной стези на «вселюдский путь». И тогда открывается широкое общественное поприще... Идя по этому пути, можно «с пониманием» отнестись к деяниям товарища Сталина. Или вдохновенно идеализировать последнего российского императора и даже весь имперский период русской истории. Можно безоглядно упрощать христианскую картину мира, оставляя в стороне, под спудом свое, русское, мрачное и безвидное. И постепенно перемешивать, а по сути подменять православную жизнь вполне себе либеральной...

«ВЫХОДЯ ИЗ ХРАМА, МЫ ОКАЗЫВАЕМСЯ В ПУСТЫНЕ»

- Почему проблема слома культурной иерархии для Вас лично встала на первый

план? Чем она Вас задела?

- Я думаю, это тяжелейшая проблема не только для меня, но и для всех русских православных людей. Сегодня, когда православный христианин выходит из храма, он оказывается в пустыне. В духовном смысле пустыня - это пространство, где нет ничего человеческого. Прежде на месте пустыни был Дом, наш, русский Дом. Обжитое, очеловеченное пространство.

Я не хочу сказать, что там, в русском Доме и на русской земле, не было греха и неправды. Все это было. Но человек выходил из храма после воскресной литургии - и оказывался на площади русского православного города, общался с православными людьми. Более того - и это очень важно! - его труд освящался высоким смыслом. Недаром люди, пахущие землю, у нас назывались крестьяне. То есть - христиане. Отношение к земле, отношения в семье, с соседями, с прихожанами своего храма - все было пропитано христианским духом. И оформлено обиходной культурой с ее красотой и поэтичностью. Храмы, избы, дороги, поля и лесные опушки украшали пространство русской земли. «Светло светлую и красно украшенную». А сегодня мы выходим из храма в... пустыню. ф

(Продолжение в следующем номере)

* Александр Щипков - первый заместитель председателя Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ, общественный деятель, доктор политических наук. - Ред.

** Андрей Шишков - секретарь Синодальной библейско-богословской комиссии Русской Православной Церкви, старший преподаватель кафедры внешних церковных связей и общественных наук Общецерковной аспирантуры и докторантуры. Интервью Андрея Шишкова о проблемах, в том числе о диалоге Церкви и светского мира, можно прочесть в июньском номере «Фомы» за 2019 г. - Ред.

Не верь тому, что слышишь. Правда - вещь дорогая, и не у каждого в словах её найдёшь. Каждый человек как живёт, так и говорит. Узнай истинность слов из образа жизни.

Прп. Иосиф Исихаст